

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО ЗАКОНА В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

«В сердцах людей некоторые законы столь крепко самой природой запечатлены, что, когда бы ни вздумалось людям человеческий образ утратить и от законов тех отступить, они волей-неволей должны уважать их и соблюдать непреложно <...> нет здесь ни для кого исключения, и любое заступничество бессильно тут. Столь же прочны, нерушимы и вековечны и евангельские истины, досточтимая непреложность коих никогда не убудет и не обернется прахом. Помимо них, есть еще такие, что зовутся у вас плодами воображения; будучи якобы измышлением людей, они могут иметь или не иметь силу по желанию того, кто их отрицает или утверждает»

Ф.М. Мольца «Дочь короля Британии...»

Досліджується науковий закон як одна з найконсервативніших форм наукового пізнання, з формуванням якої зазвичай пов'язують незалежність науки від інших соціальних інститутів. Аналізуючи детерміністські та індетерміністські уявлення періоду розквіту та кризи ренесансного гуманізму, автор встановлює їх роль у переході від донаукової теологічної до наукової натуралістичної парадигми закону. Ключові слова: гуманізм, закон, фортуна, чеснота, індивід, суспільство, природне, людське.

В отечественной методологии формирование всеобщей категории закона составляло принципиальную значимость, и в целях полноты исследования рассматривалось сразу на двух уровнях, порождая два основных смысла этой проблемы – философский и естественнонаучный [27]. Если первый, относящийся ко временам древнегреческого «логоса» и древнекитайского «дао», изображал образование категории как процесс конкретизации интуиции «всеобщей связи» и обобщения социально-политических коннотаций (В.П. Тугаринов), то второй, относящийся к XVII в., представлял категорию как результат организации накопленного эмпирического опыта определенным способом материально-производственной деятельности (В.Н. Голованов, А.Ф. Зотов, А.А. Друзянов). Между тем, назрела **актуальность** заполнения образовавшегося временного пробела, с одной стороны, подробностями изучения номенклатуры детерминизма, где некоторые категории преодолевают статус предварительных «форм обусловленности» и «аспектов отношения взаимодействия», а с другой – оживленными этимологическими наработками [15]. Тогда вторичное усложнение **проблемы** как установление связи уровней и аспектов категории закона потребует совмещения соответствующих методологических подходов и внесения дополнительных исторических и терминологических вех. В этой связи пристального внимания заслуживает эпоха Возрождения, наполненная наибольшим количеством форм и аспектов применения «закона», испытавших в ходе последующего оформления в науку одновременные синтез и редукцию. Постоянным историческим лейтмотивом их содержания до сих пор служат два основных *смысла*, восходящих к доклассическому и классическому древнегреческим понятиям $\theta\acute{\epsilon}\mu\varsigma$ и $\nu\acute{o}\mu\omicron\varsigma$. В первом из них внешнее однозначно-математическое «*предписание*» придается, в духе Платона, материи, имплицитно между собой природные акциденции; во втором – внутренняя многозначно-балансирующая «*тенденция*» по-аристотелевски эксплицируется через актуализацию «формальных» связей акциденций.

Согласно авторитетному британскому систематизатору номологических концепций, «подобно другим наиболее общим идеям, понятие Закона входило в сознание различных эпох в разнообразии своих конкретизаций, возникающих из соединения этого понятия с другими компонентами популярной космологии» [34, с. 506]. Учитывая то, что Кватроченто еще не

обнаружило практической ценности естествознания [6, с.49; 3, с.31-34], своеобразным полигоном для выработки идеи научного закона, где платоновская и аристотелевская номологические стратегии пересекались как сферы должного (желаемого) и возможного, были перипетии становления антисхоластической антропологии и социальной философии (исследования М.К. Петрова, Б.Г. Кузнецова, Л.М. Косаревой; Э. Кассирера, Г. Барона, Э. Гарена и др.).

Поэтому *задача* дополнительного изучения таких вне-естественных форм выражения «всеобщей мировой связи», как «божественный закон», «фатум», «фортуна», «добродетель» и др., неоднократно реанимируемых в истории методологии, обещает обогатить современные обобщения научного закона [32]. Общая канва «приключения идей», которое мы беремся реконструировать состоит в переложении содержания номологического «предписания» с логико-богословского на астролого-математическое и опытно-историческое, а исходной точкой – классификация законов Фомы Аквинского, помещенная нами в *эпиграф* в том виде, в каком она господствовала в сознании интеллектуалов европейского Ренессанса.

На первый взгляд, заметное там иерархическое различие законов закладывает основы ведущей впоследствии альтернативы динамического и статистического уровней закона в научном описании. Однако при более пристальном рассмотрении в каждом из них просматривается аристотелевская схема субстанциальной *телеологии*, сочетающей внутреннее и внешнее ценной неизбывной эмпирической случайности:

- для «вечного закона» (*lex aeterna*) – в силу разнообразия *причастности* (*participatio*) отдельных вещей и их внесущностных обстоятельств к верховному благу (*summum bonum*);

- для «естественного закона» (*lex naturalis*) – в силу постоянного отставания традиции (институтов брака, воспитания, любопытства, миролюбия и др.), выработанной в дополнение к моисеевым заповедям (*lex divina*), от экспансии иллюминативной склонности (*inclinatio*) сотворенных вещей (и человека в первую очередь) в отношении всеобщности верховного блага (*bonum commune*);

- для «человеческих законов» (*leges humanae*) – в силу исторической контекстуальности приложений и ограничений человеческой природы государством в обществе.

Поскольку на любом из уровней закон призван актуализировать *цели*, последовательно связывая уже достигнутые в роли средств для более верховных (*regula est et mensura actuum*), у томистского человека имеется *рациональный ресурс* (*virtus est potentiae perfectionem*) преодоления случайностей, разделяющих человеческий и божественный разум, в лице логико-математических истин, богословского метода или «позитивных» нововведений [4]. Приращение этого ресурса обуславливается социальным контекстом и внешне выражается в развитии цивилизации. Однако последнее отнюдь не всегда центрируется вокруг действительного *общего* блага, поэтому с каждым таким приобретением у граждан появляется дополнительный повод к чувственным эгоистическим импульсам, а у государства – к регламентирующим коррективам, некоторые из которых ограничивают расширившийся потенциал свободы природными рамками (*dispositio*), а некоторые подыскивают ему преходящие формы (*adiventae*) [25].

Известно, что ренессансная интенсификация христианской цивилизации привела в движение томистские уровни законодательства, нарушив их гармонию и, в конце концов, разделив по сферам. Среди отдаленных последствий этого преодоления теологической парадигмы закона – деизм, «естественные» закон и право Т. Гоббса и «законы движения» И. Ньютона. Первым же симптомом изменений оказалось своеобразное динамическое противоречие *титанизма*, за которым стояла идея «восхождения к вечным истинам» (*transcensum*) Николая Кузанского [26, с.184], и *тирании*, за которой стояло усиление монархизма (папизма) в Европе.

* * *

Социальные обстоятельства произведенной гуманизмом эмансипации человека от клерикальной судьбы, считавшейся вопреки всем обстоятельствам всегда разумной или благой, перевернули акцидентальные ресурсы индивидуального творчества в разряд «свирепой» *фортуны* (Данте, Ф. Петрарка, Дж. Боккаччо К. Салютати). Поначалу отношение к ней строилось по христианскому образцу, обоснованному еще Альбертом Великим и Фомой Аквинским как духовное преодоление плотских страстей (или, в «обратных» средневековых терминах, преодоление Фортуной Рока). Так, Пико делла Мирандола, излагая позицию платоников, сопоставляет «порядок идей» (*providenzia*) и «порядок вещей» (*fato*) с жизнью бестелесной рациональной души и временного чувственного тела: так же как закон провидения

«направляет вещи к своей цели, к достижению высшего и конечного блага», подчинение вторичных чувств первичному разуму обещает фатально отягченному телом человеку свободу в осуществлении конечных желаний [28, с.292-293].

В трактате М. Фичино «О тройкой жизни» мы видим ее (им)моральное содержание уже в сплаве с подчеркнута экзотерическим физикалистским описанием: подчинение духа фортуне является «болезнью телесности», так как дух по отношению к телу обладает преимуществом намного превосходящей массы – почти такой же, как тяготение звезд на отдельное тело. В силу двойственной духовно-телесной природы человека влияние фортуны неустранимо, но подлежит избирательному перенаправлению «духовной массой» в добро, зло или бездействие [16, с.110]. Залогом успеха такого духовного преодоления является нравственное совершенствование индивида – «взрачивание добродетели (virtù)».

Однако по мере переноса ее источника с божественной благодати на человеческую натуру, которая очевидно выражает возрастающую социальную силу человека, аскетические средства совершенствования сменяются гражданскими и предпринимательскими средствами *земного transcensum'a*. Часто для гуманистов, воспринявших опыт «симпатии» трансцендентного и этического (М. Пальмиери, М. Паренти, Дж. Ручеллаи), степень духовного совершенства имела вполне зримое выражение – в величине личного состояния, сохраняемого и приращаемого в превратностях финансового рынка. Тем более что стойкое экономическое благополучие считалось следствием моральных добродетелей, ведь оно, во-первых, основано на стремлении превзойти наличное, во-вторых, повышает потенциал всей общины, в третьих, обычно не превышает меры природной необходимости (П. Браччолини, Л. Валла); и при всем этом еще и выражает божественной провидение. «Сложился новый образ мышления, в общих чертах – образ мышления еще раннего западного капитализма, совокупность правил, возможностей, расчетов, умения жить и обогащаться одновременно. То была и рискованная игра: ключевые выражения торгового языка “удача”, “случай”, “благоразумие”, “осмотрительность”, “обеспечение” (fortuna, ventura, ragione, prudenza, sicurtà) устанавливают пределы риска, от которого надлежит себя обезопасить» [5, с.477]. На этом идеологическом фоне происходит формирование первых статистических моделей, обслуживающих по лекалам астрологической фортуны финансовую инвентаризацию зарождающейся банковской системы («шанс», «баланс», «страховка», «риск», «функция», «средняя» и др.). Обладая статусом независимости от воли отдельных людей, они экстраполируются в скором времени на среду государственной политики и социальной действительности вообще.

В пополанском обществе, где исходный христианский образец приобретает антисословное значение преодоления звездного удела, соответственно обезличиванию фортуны плотские страсти утрачивают личное начало, что позволяет, с одной стороны, натурализовать их в «причины вещей», а с другой – обозначить морально неприемлемые причины как неестественные и потому требующие *сверхличных* усилий. Хотя последнее конституируется светским республиканским правлением, на практике оно чаще сводится к апологии «хорошего тирана», производной схоластического отождествления моральной и политической иерархии [14, с.38]. Так, Л.Б.Альберти ранних трактатов утверждает, что «в гражданских делах и в человеческой жизни разум, несомненно могущественнее фортуны, мудрость – случайности» [2, с.137]. Но во второй половине XV в., когда ощущается дисгармония природы и традиционного общества, он уже склоняется к тому, что фортуна награждает недостойных, а добродетельным стоит запасаться искусностью и трудолюбием [1]; и для гуманистов, измученных гражданскими войнами и беззаконием, вторую жизнь обретает провидческая сентенция К.Салютати – «нет большей свободы, чем подчиняться наилучшему государю» [30, с.114].

Как в положительных, так и в отрицательных условиях социально-политической нестабильности интеллектуалы обращаются к небесному порядку, надеясь увидеть в его исходной (или очищенной) копии земного порядка указания на завтрашний день. По этой логике, случайное выдвижение индивида в государи с неожиданно большим активом благополучия, должно свидетельствовать о высоком потенциале его добродетели (Дж. Понтано), следует в то же время «естественно» объяснять его выдающимся личным гороскопом. А поскольку тот, согласно «всеобщей форме Закона» тесно детерминирован всей небесной системой, подданные вправе ожидать зеркальной детерминации своей системы общественного устройства гороскопом их государя и вовлечения в его выдающееся благополучие... Проходит то время, когда «планеты и созвездия» служили орудием божественной воли; теперь орудие довлеет Воле, нивелируя различия чудесного и естественного. Если аристотелианец П. Помпонаци в этом контексте еще указывает, что

естественный порядок «вечного и нерушимого Закона» не столько опережает своими предсказаниями божественную волю, сколько оберегает ее от профанации звездочетами и прорицателями [29, с.184-194], то пантеист Дж. Бруно в своей апологии магии говорит о симпатической активизации сил макрокосма («Провидения») *независимо* от звезд, полагаясь только на целесообразный выбор в пределах микрокосма («Благоразумия») [7, с.103-104, 178].

Следует заметить, что методологический трюк, берущий небесный ансамбль то в прямой, то в зеркальный образец, на самом деле просто выражает ренессансное межеумье, где средневековый онтологический дуализм испытывается антропологической амбивалентностью. «Представьте себе самые несовместимые сочетания и тенденции, каким-то диковинным образом уживающиеся друг с другом, и вы никогда не ошибетесь в опознании двоящейся физиономии этого переходного времени: юношеский энтузиазм и въедливый скепсис, зверский аппетит и безысходная пресыщенность, расцвет и увядание, надежда и обреченность, пылкая вера и кощунственный скепсис соседствуют здесь на одинаковых правах, создавая уникальную в своем роде ситуации *целесообразности без цели*; оттого единственным ослепительно обманчивым маяком в этом море беззакония и безумия оказывается артистизм <...>» [31, с.184-185]. Под влиянием Итальянских войн, сделавших очевидной зависимость благосостояния от политики, гражданская доблесть мимикрирует в куртуазность и административность, совесть – в дерзость, а слава – в умение добиться своего, действуя по времени и обстоятельствам (*virtuoso*) (Б. Кастильоне, Ф. Гвиччардини, Н. Макиавелли) [11].

Как видно, из противоречия государственно-правовых и неинституциональных принципов поведения происходит обозначенная выше «свирепость» фортуны. Учитывая монархический контекст, дискредитирующий статус божественного уровня законодательства, эту «разрушительницу земных благ» можно отождествить с эллинистической богиней случая (*τύχη*). Вместе с тем, в возрожденном контексте эта случайность так же вызвала противопоставление – в аналоге эпикуровского «клинамена» и стоического «логоса» («фатума»). Первый из них на христианско-антропологической почве настолько расширил возможности самопроизвольного, что совладать с ними оказалось по плечу только «позитивно» дерзающему монарху. Второй же вступил в силу, когда доблесть (*virtù*) монарха стала казаться недостаточной: коперниканство, расширив пределы макрокосма до бесконечности, заставило продлевать «духовные способности» микрокосма в бесконечность имманентного естественного порядка (*regnum naturae*), способного обуздать и произвол фортуны, и таинственность высшего порядка (*regnum gratiae*), определив им «закон». Тенденцию перехода от первого ко второму остроумно предвещал М. Фичино: «не многим дается власть устанавливать законы, и еще меньше тех, что повинуются изданным законам» [35, с.234].

* * *

Хрестоматийным мыслителем, совместившим все приведенные аспекты исходного образца преодоления фортуны, считается Н. Макиавелли. У автора «Государя» аналогичная пантеистической деиерархизации природы инфинитизация человека происходит путем отчуждения от него божественной субстанциальной морали. Дело в том, что пресловутая флорентийская интенсификация общественной жизни [9], разделив сферы моральной прескрипции целей и каузальной дескрипции их средств, незамедлительно обнаружила последствия такой секуляризации для обеих: вместо соучастия в предопределенном процессе совершенствования индивид становится предприимчивым субъектом эгоистического целеполагания. Поскольку социальный контекст все же составляет некоторые «силовые линии» (*qualità dei tempi*) для обособившихся средств, (а)моральная вседозволенность была натурализована и номологизирована Н. Макиавелли по материалам *опытной* истории и реалистической политики. Они занимают место «идеальных» канонов государственности, придворного права и дипломатии, производных от богословских догм и схоластических универсалий, насколько те противостоят новому *атомистическому* мироощущению эпохи перманентного военного положения [18, с.144].

В такой «светской казуистике», сочетающей, на самом деле, и средневековое богословие, и индуктивизм античных юриспруденции и медицины, трансцендентность морали распределяется в земной истории, превращаясь в прагматичные образцы (не)целесообразности (*exemplum effectuale*). Становясь таким образом всего лишь акцидентальной прескрипцией, мораль (иже с ней благодать, добродетель, фортуна и государственные институты) уступает субстанциальность человека его обобщенной (восполненной) природе поведения, разыскиваемой теперь в инвариантах земной истории как «закон (вне)исторической причинности». «Всякий раз,

---

когда исторические формы уже отжили, когда право обратилось в бесправие, благодеяние в мучение, союзы в цепи и оковы, то кажется, будто человеческий дух окунается в вечно-одинаковую природу, чтобы смыть с себя пыль веков, – словно Антей, стремящийся получить прилив свежих сил от вечной родной земли, – и “снова возвращается древнее первобытное состояние природы”. Это же прежде всего и основная черта Возрождения <...>» [8, с.53].

Если предшествующий в этом жанре Л.А.Бруни ограничивается очищением исторических хроник от легенд и чудес [37]., то Н. Макиавелли по тому же признаку переменчивости отделяет *социально-политические* причины от «неизменной природы» *индивидуально-психологических* побуждений, представляя их как равноправные полюса, задающие пространство для движения общественной жизни. В итоге, по словам В.Андрушко [17, с.38], выработанную Кузанцем в отношении космоса *повторяемость* совершенного кругообразного движения как первую стойко-ренессансную интуицию категории закона Н. Макиавелли, ориентируясь больше на Полибия и Цицерона, применил к обществу [23, с.410; 24, с.128-130]. Однако по мере *констатации* социально-политических причин, все чаще способных превосходить респектабельность цикличности «небесного ансамбля» (одновременно рационального и трансцендентного), исторический закон вытягивается в субстанциализированную таким образом и со стороны природы, и общества причинно-следственную цепочку, в которой содержание закона и методологические требования к нему становятся неразличимыми. Например, у Р. Декарта мы уже не встретим ни нравственных метаний между космическими симпатиями и антипатиями, ни их поучительного чередования в истории: «<...> существует Бог, от которого зависят все вещи и совершенства которого безграничны, могущество необъятно, а повеления непреложны: это научит нас принимать как благо все, что с нами случается, ибо все это явно послано нам Богом» [12, с.517].

Отлученная от целей Св. Истории новая *мораль* уже не предполагает качественного прогресса: после чаемого и знакового объединения Итальянского государства на национальной основе, ее динамическая гармония будет руководиться, по Н. Макиавелли, «неизменной природой», трансцендированной по истечении Золотого века от ее *носителя*, теперь безблагодатного, но утешенного грядущей свободой целеполагания. «И поскольку в духе этой свободы освобождающийся человек сам решает, что будет для него обязательным, это последнее может отныне определяться по-разному. Обязательным может стать человеческий разум и его закон или учреждение по нормам этого разума и предметно упорядоченное сущее, или тот пока не упорядоченный и только еще покоряемый через опредмечивание хаос, который в определенную эпоху начинает требовать овладения собой» [36, с.56]. Диапазон этого разброса, коррелирующий до установления гносеологической субъект-объектной дистинкции с диапазоном форм социально-государственного устройства, определяется активным *соотнесением* в рамках синкретизма, охватывающего личное и безличное, индивидуальное и социальное, внутреннее и внешнее, духовное и материальное, естественное и искусственное, необходимое и случайное.

Речь идет о нравственной способности *virtù*, в которой средневековый баланс трансцендентных «уделения/причащения» нарушается в пользу деятельного причащения, понимаемого в смысле *автономного* земного *transcensum*'а Кузанца. Если на социальном уровне риск подобного способа актуализации небесного потенциала подкрепляется его историческими реминисценциями, то индивидуальная добродетель ищет поручительства в природном *законе* этой истории. Однако антисхоластические импликации натурализма Чинквеченто еще отказывают закону в каких-либо константных свойствах, превращая его в судьбу-фортуны. Последняя, выполняя предписанную авторитетом С. Боэция роль *ancilla dei* и направляя свободу воли с земных благ на «небесное воссоединение», испытывает с XV в. влияние римской традиции Цицерона, Саллюста, Сенеки, Ливия [33, с.48-53].

Будучи в первоначальном значении *bona dea*, вознаграждающей за подвиги славой, честью, богатством и свободой, эта «добрая богиня» римлян становится сверхличной силой, поддерживающей талантливые и добродетельные дерзания индивида в нужном, но неисповедимом направлении. Соответственно ее посулам конкретизируется и добродетель индивида, насыщая доселе абстрактные предписания *идеальных целей* реальными случайностями их средств. С тем, чтобы обеспечить над ними контроль, индивид вынужден отказаться от интуитивной аристотелевской этики «средней меры» и прибегнуть к эстетической *экстремализации* моральных средств, достигая таким образом чистого качества одной из полярных возможностей мирового порядка в Природе. Отсюда – убеждение, что добродетель приумножается в морально амбивалентной *борьбе* за благосклонность фортуны, что пассивность человека полностью отдаст его во власть фортуны, а энергичные действия

способны добыть ее поддержку, по крайней мере, в *половине* начинаний и пополнить запас моральной прочности к неизбежным ударам случайности [22, с.116-119].

Но Н. Макиавелли этим не довольствуется. В желании устранить половинчатость удачи и заручиться долговременными ориентирами он обращается к астрологии, которая так же выражает незавершенное ренессансное преодоление онтологического дуализма, сверяя «судьбу» человека с траекторией его «звезды». Другими словами, преодолевая натуральный и юдициарный грехопадший детерминизм «земных стихий», рыцарь судьбы может обратиться к совершенному оригиналу пространства и времени детерминизма «небесного ансамбля».

Несмотря на весь анахронизм астрологического подспорья, уже ощущаемый, например, Ф. Гвиччардини, его применимость к судьбоносным решениям в рассмотренном контексте очевидно была оправдана «благородным *сочетанием*» естественного и юдициарного компонента даже в натурализованных силах фортуны. И в велениях судьбы, и в ее звездных подсказках уже содержится «*половина*» отвоєванной у бога благодати, в которой индивид еще только угадывает ее социальное достоинство, но уже посягает на него. «Ніколо Макіявеллі в “Il Principe” вперше заявляє про те, що дії засновника держави визначає його внутрішня сила (virtù), реалізовувана в динамічній боротьбі із зовнішніми перешкодами (fortuna). У разі перемоги державець (il principe), виходячи з принципу могутності свого virtù, встановлює законодавчу основу або принцип (principe) існування новоствореної держави» [13, с.83]. Его внутренний критерий совершенства находит, таким образом, внешнее оправдание в гражданских законах, которые с точки зрения разума (intellectum) Кузанца являются линейными ограничениями индивидуального произвола, а для ума (mens) – инвариантами целесообразных действий.

Содержание государственного принципа, на самом деле, многообразно и, на первый взгляд, сочетает сплошные противоречия: «закон людей» и «силу зверя», «силу льва» и «хитрость лисицы», публичную мораль и дипломатические игры, государственные институты и закон обстоятельств, запугивающие преступления и завоевание симпатий. Отчасти это впечатление вызвано описательно-историческим методом, демонстрирующим «силу Фортуны в свершении судеб» и «силу древних основателей государств»; отчасти – приоритетом эмпирического уровня этико-политического праксиса; отчасти – политической хронологией Флоренции начала XVI в. и соответствующей разницей адресатов основных произведений. Однако если исходить из презумпции действительности метода Н. Макиавелли, в государственном принципе обнаруживается равновесие указанных противоположностей.

В основу метода положена популярная христианская *метафора*, приписываемая ап. Павлу (Рим. 12, 4-5), по которой общество уподобляется живому организму (σώμα). Если в «Романском Возрождении» она оправдывала сословное разделение и феодальный порядок [19, с.158-169], то во времена чередования власти «Совета десяти», сеньории Медичи и папизации провинций ее смысл уже приходится на *плотские* проявления этого организма: как последствия грехопадения следует воспринимать показушность публичной добродетели, эгоистическую природу подданных и ненасытную конфликтность соседних государств. Таким образом, морально-политическая деиерархизация Кватроченто, открывавшая амбивалентную *свободу* самоопределения, в веке следующем оборачивается *хаосом* свобод. Воспринимая его как «торжество плоти», государь прибегает к репрессивно-аскетическим *мерам* – благо, что окончательно развращенные оказываются и самыми благочестивыми: «в самом деле, ни у одного народа не было никогда учредителя чрезвычайных законов, который не прибегал бы к Богу <...> ибо много есть благ, познанных человеком рассудительным, которые сами по себе не столь очевидны чтобы и все прочие люди могли сразу же оценить их достоинства» [24, с.150-151]. Однако последние соответствуют искусственному, «позитивному» уровню законодательства с его многообразием, противоположностями и изменчивостью: «<...> когда добрый обычай исчезает, закон сразу же делается необходимым <...> голод и нужда делают людей изобретательными, а законы – добрыми <...>» [24, с.133].

Но история учит тому, что государственное долголетие зависит не только от величины частной virtù основателя, что легко подменяется тиранией, но и от ее функции воспитывать добродетели «социальной плоти» (pigliatore). Задавая личным примером государственные институты, конституционное устройство, принципы организации общества (ordini), частная virtù новоиспеченной деспотии подобно «закону» Ветхого Завета должна перейти в новозаветную «благодать» общинной virtù свободной республики, устрашение и слава – в патриотизм и величие. Правда, этот очаг «естественного света» (lumen naturale) в социальном организме во избежание регрессии к природному закону, всегда сопровождается коррупцией общинной virtù,

---

готов подкрепляться массой вспомогательных законов *ordini* с общим исходным принципом государственно-идеологической целесообразности, в котором историчность моральной телеологии аккумулируется в потенцию самосохранения, экстремального воспроизводства. Таким образом, в отличие от «республиканской» традиции Флоренции, превозносящей *априорную* гармонию (Данте, Б.Латини, Ф.Гвиччардини и др.), моральные цели макиавеллианского общества автономно варьируют средствами, а законы «смешанной» республиканской конституции обеспечивают гражданскую свободу по результатам перманентных разногласий богатых и бедных, знатных и выскочек, демагогов и добродетельных.

* * *

Итоговое выведение государственно-правовых принципов из-под эгиды теологии в ведомство человеческой природы не означало искоренения *трансцендентности*: она оставалась в меру (не)познанным *regnum naturae*. В эту же меру *уравнение* человека с соразмерными силами природы дискриминирует иррациональный компонент познания, связанный с индивидуальной, то есть избирательной концентрацией потенций (микро-)космоса по преодолению своего звездного удела; и его преемницей, далекой еще от всякого целесообразия, станет способность совершенно произвольно, силою их закона использовать природные свойства. Леонардо да Винчи в этом контексте, наверное, первым обезличивает возрожденный вместе с неоплатонизмом дискурс харизматичности («энтузиазма», «героизма»), отождествляя математическую рефлексию опыта («основания определенной меры и строгих правил») с *овладением* хаотическим многообразием явлений и говорит о превращении опытно-случайного в закономерно-необходимое. «О чудесная необходимость, ты с величайшим умом понуждаешь все действия быть причастными причин своих, и по высокому и непрерываемому закону повинуются тебе в кратчайшем действовании всякая природная деятельность! Кто мог бы думать, что столь тесное пространство способно вместить в себе образы всей вселенной? О великое явление, чей ум в состоянии проникнуть такую сущность! Какой язык в состоянии изъяснить такие чудеса? Явно никакой. Это направляет человеческое размышление к созерцанию божественному» [21, с.303-304.]. И далее, говоря о молнии: ««...» о могущественное и некогда одушевленное орудие искусной природы, тебе недостаточно больше твоих сил, тебе должно покинуть спокойную жизнь и повиноваться законам, которые Бог и время даровали природе-матери» [20, с.327].

Таким образом, обозначенная нами в начале трансформация томистского универсума законов складывается в следующую последовательность: при освоении новой предметной области деонтологические претензии традиции сначала диктуют структурное предписание («вечный закон»); затем это спекулятивное законодательство обнаруживает примерную имманенцию в душе и природе («естественный закон»); там же, где появляются предпосылки приблизить природную реальность к социальной практике («позитивные человеческие законы»), приблизительные закономерности приводятся к необходимости, наследующей статус вечных и естественных законов. Эта ренессансная судьба закона позволяет подкрепить распространенный тезис о том, что классическое понятие научного закона природы в его математической точности происходит от *прагматической* ориентации новоевропейской науки. «Центр тяжести находится теперь не во всеобщности, а в возможности делать частные заключения. Закон превращается в программу технического применения «...» возможность делать на его основании предсказания о том, что получится в результате того или иного эксперимента» [10].

Выводы. Переданный ренессансному человеку потенциал божественных полномочий, обоснованный Николаем Кузанским как деятельная «причастность» всякой духовной сущности в своей неустранимой индивидуальности, был вскоре ограничен требованиями социальной целесообразности. В свою очередь, социальная детерминация, мистически выраженная через астрологические ансамбли, привела к субстанциализации природы в виде *ragione* – разумных оснований, первоначально антипатичных человеку, но вторично открываемых им через расчленение и ранжир опыта.

Поскольку в условиях Нового времени моральные и чувственные аспекты опыта подчиняются прагматическим ориентирам, дальнейшая манифестация духовной сущности приходится уже на обобщенных Субъекта и Природу, в которых отдельный индивидуум обладает свободой трансцендентной самоидентификации и целеполагания только на правах

гражданина, а истинное познание природы представляется возможным только в форме научного закона. Вместе с тем, социогуманитарные предпосылки последнего, представленные в данной статье, не являются единственным экстернальным источником последующих классических форм научного познания, поэтому требуют дополнительного изучения всего ренессансного мировоззренческого контекста.

Литература

1. Альберти Л.Б. Добродетель; Рок и Фортуна / Л.Б. Альберти; [пер. Н.А. Федорова] // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / Под ред. Л.М. Брагиной. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – С. 154-161.
2. Альберти Л.Б. О семье / М.Л. Абрамсон // Цит. по Абрамсон Л.Б. От Данте к Альберти: [науч.-попул. изд.]. – М.: Наука, 1979. – 176 с. – Сер.: Из истории мировой культуры.
3. Ахутин А.В. Понятие "природа" в античности и Новое время / А. В. Ахутин / АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники; отв. ред. Н.Ф. Овчинников, И.Д. Рожанский. – М.: Наука, 1988. – 207 с.
4. Баумейстер А. Філософія права: [навч. пос.] / А.О. Баумейстер. – Вінниця: О. Власюк, 2007. – С. 123-141.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв.: в 3-х т. / Ф. Бродель; [пер. с франц. Л.Е. Куббеля]. – [2-е изд.]. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2007. – Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное – 592 с.
6. Бруни Л.А. Введение в науку о морали / Л. Аретино Бруни; [пер. с ит. И.Я. Эльфонд] // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / Под ред. Л.М. Брагиной. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – С. 49-67.
7. Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя / Дж. Бруно; [пер. с ит. А. Золотарева] // Бруно Д. Изгнание торжествующего зверя. О причине, начале и едином. – Мн.: Харвест, 1999. – С. 3-260
8. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2-х т. / В. Виндельбанд; [пер. с нем. под ред. А. Введенского]. – М.: ТЕРРА-книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. – Т. 1. – 640 с.
9. Гарэн Э. История в мировоззрении Возрождения / Э. Гарэн; [пер. с ит. Г.Г. Курьеровой] // Проблемы итальянского Возрождения: [сб. ст./ Сост. Л.М. Брагина]. – М.: Прогресс, 1986. – С. 350-367.
10. Гейзенберг В. Закон природы и структура материи / В. Гейзенберг; [пер. с нем. А.В. Ахутина; общ. ред. и вступ. ст. Н.Ф. Овчинникова] // Избранные философские работы. Шаги за горизонт. Часть и целое – М.: Прогресс, 1987. – С. 107-119.
11. Девятайкина Н.И. Добродетель / Н.И. Девятайкина // Культура Возрождения: Энциклопедия. – [в 2-х т.] / [отв. ред. Н.В. Ревякина]. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 1. – С. 584-585.
12. Декарт Р. Письмо Елизавете (15 сентября 1645 г.) из переписки 1643-1649 / Р. Декарт; [пер. с франц. Я.А. Ляткера, М.А. Гарнцева]. // Сочинения: в 2 т. [науч.-ислед. изд. / сост., ред. и вступ. ст. В.В. Соколова]. – М.: Мысль, 1989–1994. – Сер.: Философское наследие. – Т. 2. – 1994. – С. 517-520.
13. Димерець Р. Спінозівська концепція природної могутності (potentia) і трансформація поняття природи в натурфілософії XVI-XVII ст. / Р. Димерець // Sententiae. – 2004. – №2 (XI). – С. 83-101.
14. Дробницкий О.Г. Понятие морали / О.Г. Дробницкий; Ин-т философии АН СССР. – М.: изд-во «Наука», 1974. – 388 с.
15. Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей: в 4-х т. / [пер. з фр. / наук. кер. Б. Кассен, К. Сігов]. – К.: Дух і літера, 2009-2014. – Т. 1. – 2009. – С. 362-370, 473-479; Т. 2. – 2011. – С. 258-274.
16. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос / Э. Кассирер; [пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанов, Д.О. Кузнецов и др.]. – М.-Пб.: Ун-ская книга, 2000. – 654 с. – Сер.: Книга света.
17. Категории «закон» и «хаос»: [монография] / АН УССР; отв. ред. М.А. Парнюк – Киев, 1987. – 292 с.
18. Кузнецов Б.Г. Идеи и образы Возрождения (Наука XIV- XVI вв. в свете современной науки) / Б.Г. Кузнецов / АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники; отв. ред. А. Х. Горфункель. – М.: Наука, 1979. – 280 с. – Сер.: Библиотека всемирной истории естествознания.
19. Ле Гофф Ж. История тела в средние века / Ж. ле Гофф, Н. Трюон; [пер. с фр. Е. Лебедевой]. – М.: Текст, 2008. – 189 с. – Сер.: Краткий курс.
20. Леонардо да Винчи Вода и жизнь земли. Прошлое земли. Море и облака / Леонардо да Винчи; [пер. В. П. Зубова] Леонардо да Винчи Избранные произведения : в 2 т. / пер. А. А. Губера, В. П. Зубова, В. К. Шилейко, А. М. Эфроса ; под ред. А. К. Дживелегова, А. М. Эфроса – М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2010. – Т. 1. – 444 с. : – С. 324-353.

-
21. Леонардо да Винчи О зрении и свете. О преодолении расстояний. О глазе / Леонардо да Винчи; [пер. В. П. Зубова] Леонардо да Винчи Избранные произведения : в 2 т. / пер. А. А. Губера, В. П. Зубова, В. К. Шилейко, А. М. Эфроса ; под ред. А. К. Дживелегова, А. М. Эфроса – М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2010. – Т. 1. – С. 296-308.
  22. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли; [пер. с итал. Г.Д. Муравьевой] // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2001. – С. 47-122. – Сер.: Антология мысли.
  23. Макиавелли Н. История Флоренции / Н. Макиавелли; [пер. с итал. Н. Рыковой] // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2001. – С. 197-263. – Сер.: Антология мысли.
  24. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли; [пер. с итал. Р. Хлодовского] // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2001. – С. 123-196. – Сер.: Антология мысли.
  25. Мац У. Тома Аквінський / У. Мац; [пер. з нім. В. Кебуладзе] // Класики політичної думки від Платона до Макса Вебера / Під ред. Є. Причепія. – [наук. вид.]. – К.: Тандем, 2002. – С. 86-102.
  26. Николай Кузанский Об ученом незнании / Николай Кузанский.; [пер. В.В. Библихина] // Кузанский Н. Сочинения в 2 т.: [пер. с нем.] / Общ. ред. и вступ. ст. З.А. Тажуризиной – М.: Мысль. – 1979 – 1980. – Серия: Философское наследие. – Т. 1. – 1979. – С. 47-184.
  27. Панибратов В.Н. К истории становления категории закона / В.Н. Панибратов // Материалистическая диалектика и частные науки: [сб. ст. / Лен. каф. философии АН СССР; отв. ред. Е.Ф. Солопов]. – Л.: Изд-во «Наука», 1976. – С. 32-48.
  28. Пико Делла Мирандола Дж. Комментарий к канцоне о любви Джироламо Бенивьени / Джованни Пико Делла Мирандола ; [пер. Л. Брагиной] // Эстетика Ренессанса: Антология: [в 2-х т.]. / Сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. – М.: Искусство, 1981 – Т. 1. – С. 266-299.
  29. Помпонацци П. О причинах естественных явлений / Помпонацци П. Трактаты «О бессмертии души», «О причинах естественных явлений» / П. Помпонацци; [пер. А.Х. Горфункеля] / АОН при ЦК КПСС, Ин-т научного атеизма; редкол.: В.И. Гараджа и др. – М.: Гл. ред. АОН при ЦК КПСС, 1990. – С. 124-288.
  30. Салютати К. О тиране // Цит. по Абрамсон Л.Б. От Данте к Альберти: [науч.-попул. изд.] / М.Л. Абрамсон. – М.: Наука, 1979. – 176 с. – Сер.: Из истории мировой культуры.
  31. Свасьян К.А. Становление европейской науки / К.А. Свасьян. – [2-е изд.]. – М.: Эвидентис, 2002. – 438 с.
  32. Сидоренко Е.А. Закон / Е.А. Сидоренко // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / [под ред. И.Т. Касавина; науч.-ред. совет ИФ РАН: Степин В.С., Гайденко П.П., Лекторский В.А., Ойзерман Т.И.]. – М.: Канон + РООН «Реабилитация», 2009. – С. 239-242.
  33. Скиннер К. Макиавелли. Очень краткое введение / К. Скиннер; [пер. с англ.]. – М.: Астрель, 2009. – 156 с.
  34. Уайтхед А. Приключения идей // Уайтхед А. Избранные работы по философии: [пер. с англ.] / Сост. И. Т. Касавин: Общ. ред. и вступ. ст. М. А. Киселя / А. Уайтхед. – М.: Прогресс, 1990. – С. 389-702.
  35. Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона / М. Фичино ; [пер. с лат. и итал. А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка] // Эстетика Ренессанса: Антология: [в 2-х т.]. / Сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. – М.: Искусство, 1981 – Т. 1. – С. 144-241.
  36. Хайдеггер М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления; [сост., пер. с нем. и комм. В.В. Библихина]. – М.: Республика, 1993. – С. 41-62.
  37. Эльфонд И.Я. Бруни / И.Я. Эльфонд // Культура Возрождения: Энциклопедия. – [в 2-х т.] / [отв. ред. Н.В. Ревякина]. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 1. – С. 249-250.

Summary

Makarov Z. Social and Humanitarian Preconditions of Formation of the Scientific Law in Renaissance.

The article is devoted the scientific law as by one of the most conservative forms of scientific knowledge. With its formation usually it is connected independence of a science of other social institutes. The author establishes the role of deterministic and indeterministic views in transition from prescientific theological to a scientific naturalistic paradigm of the law. The author establishes this views in period of prosperity and crisis of the Renaissance of humanism. Key words: humanism, law, fate, virtue, individual, society, natural, human.